

КАРТАГЕНА И ТАЛЛИН: МИРЫ И КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ГРУППОВОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Е.Л. МИХАЙЛОВА

В статье дается краткий анализ актуальных тенденций развития групповой психотерапии на примере последнего международного конгресса и локальной конференции балтийских стран. Содержание и формат представленных на конференциях мастерских и докладов рассматриваются в контексте происходящих в мире культурных и социальных процессов. Отдельное внимание уделяется подходам, сложившимся в мировой традиции проработки коллективного травматического опыта.

Ключевые слова: групповая психотерапия, социокультурные процессы, психодрама, проработка коллективной травмы.

Снова снится Пицунда, похожая на Макондо,
Снова снится Пицунда накануне войны
Сердце бьется, оно одиноко — а что ты хотела?
На проспекте Маркеса нет выхода в этом году...

Вероника Долина. К Пицунде

XVIII Конгресс IAGP «Между мирами и культурами: социальная трансформация» проходил в Колумбии, в старинном приморском городе Картагене. По странному стечению обстоятельств, стояла такая же адова жара, как три года назад в Риме. Океан шумел, пальмы шелестели, босые ребята сомнительного вида предлагали сигареты и дешевое серебро, колумбийский флаг лениво шевелился на горячем ветру — в общем, Габриель Гарсиа Маркес давно все рассказал.

Так что наш конгресс работал на довольно занятом фоне — аккуратно между Музеем инквизиции, Музеем золота и уличными рынками, полными неведомых фруктов.

Наркобаронов поблизости видно не было, но вообще те места имеют в мире мрачную репутацию, что по-своему отразилось и на работе кон-

гресса. До Картагены не доехали многие известные коллеги: американцам ехать *не рекомендовали* бдительные консультанты, европейцам показалось далековато и оттого дорого. Зато больше обычного съехалось японцев и австралийцев, ну и Латинская Америка была представлена всячески, не только Аргентиной, Бразилией и Чили, где традиции групповой психотерапии давние и где есть свои классики, любимые и почитаемые во всем мире.

Испаноязычный профессиональный мир велик и разнообразен. В Москве его представители бывают нечасто (вспоминается недавний приезд Марио Бухбиндера, директора Института Маски в Буэнос-Айресе, а до того — великолепная работа Моники Зуретти в 90-х), но это всегда очень интересно и, как ни странно, «что-то слышится родное...» Много лет назад Елена Лопухина, приехав с большого международного конгресса, сказала: «Про нашу жизнь лучше всех понимают латиноамериканцы. Они как будто знают, что с каждым может случиться что угодно и в любой момент». Ну что же, это по-прежнему так — хотя с тех пор и остальной мир кое-что понял об иллюзорной стабильности и призрачной безопасности. Итак, Колумбия, Картагена дель Индиас...

Вопреки опасениям самых осторожных, с безопасностью все оказалось отлично — на мой вкус, даже слишком хорошо. Воля ваша, коллеги, — когда отель в колониальном стиле неустанно и очень-очень заметно патрулируется коротко стриженными ребятами с рациями, а личики молодых мулаток «со стороны организаторов» выражением напоминают наших таможенниц — это как-то напрягает. Прервать возникшую ассоциативную цепочку оказалось непросто. На открытии конгресса все постояли, слушая гимн — а в это время на двух огромных экранах крутили патриотический ролик про то, «как прекрасен этот мир» — особенно в солнечной демократической Колумбии.

В ролике было знакомо все — реюющие знамена, физкультурный парад и младенцы на руках счастливых матерей.

В церемонии открытия участвовал индейский шаман в положенном по его дресс-коду парадном одеянии. Говорил он о духовном наследии древней культуры, а как же. Официальные речи сменились ... правильно, выступлением фольклорных коллективов. Повевало ВДНХ и ее главным фонтаном, про который непочтительный Феллини сказал в свое время: «Сон пьяного кондитера». В общем, дежавю как дежавю.

С одним — но важным — исключением.

До всех этих патриотических красот и даже до речей — представитель ЮНЕСКО, представитель министерства культуры и образования, представитель местного оргкомитета, президент IAGP, индеец — на

трибуну вышел шеф службы безопасности Дворца собраний. Он четко, по-военному рассказал, как себя вести, если что.

Нам было рекомендовано бежать без оглядки (в синхронном переводе на английский *run for your life*), покидать здание и ни в коем случае не возвращаться — ни за брошенными вещами, ни за людьми. Где выходы, еще и жестами показал, — как в самолете. А уж потом мы слушали политкорректные речи о том, как важна «встреча на древней земле» и как прекрасны социальные трансформации, ага.

По ходу дела подмывало толкнуть в бок кого-нибудь, кто мог бы оценить по достоинству этот транстоталитарный ретро-хэппенинг. Представьте, таковые нашлись. С непередаваемым выражением лица подмигнула коллега родом из Венгрии, пара славных немцев синхронно вздохнула, страдальчески скривился один израильтянин...

Что там говорить: все вместе это было страшновато — конечно же, не из-за опасений за свою реальную безопасность!

Для справки: в Колумбии воюют последние 40 лет, и это не первая гражданская война в истории страны. Вооруженные группировки правых, левых, неизвестно каких и просто бандитов что-то занимают, удерживают, с боями отдают, исчезают в джунглях — в причинах всего этого постороннему разобраться невозможно, а конца не видно. Своей жизнью живут при этом наркотрафик, добыча изумрудов, кофейные плантации — и тысячи беженцев, ищущих относительно тихого места и работы. Военные время от времени ликвидируют какого-нибудь главаря и объявляют об успехе спецоперации, а что потом делают люди, умеющие только вести партизанские действия в горах и уже не знающие другой реальности, можно догадаться. Два года назад вроде бы стало потише — но что творится в отдаленных провинциях и кто в кого там стреляет, кажется, не понимает никто. Там, где «жизнь налаживается», есть робкая надежда на лучшее, при этом официальные заявления звучат весьма оптимистично, но и это не впервые. Есть и надежда заработать на туризме, это почти получается, а туристы хотят гарантий безопасности — отсюда и демонстративное патрулирование в отеле, и полиция на каждом углу, и поражающий воображение слоган «Ваш единственный риск — захотеть остаться».

С какой стати было проводить конгресс в таком месте, прекрасно понимая все издержки и риски этого выбора, — вот в чем вопрос. Мне кажется, что я знаю и ответ, хотя он скорее озадачивает и уж точно не внушает особого оптимизма.

Пора, однако, рассказать о конгрессе как таковом.

Структура традиционная: два дня «Pre-congress» (полнометражные мастерские, на которые надо записываться заранее) и четыре дня самого конгресса.

Расписание плотное настолько, что порой кажется, что участвовать еще в каких-то группах непосредственного опыта просто невозможно, сил не хватит — тогда идешь слушать доклады, чтобы немного передохнуть и остыть.

День начинается с малой группы постоянного состава, четыре дня все участники с 8 утра в этом процессе — именно он по-своему «склеивает», соединяет происходящее и не дает совсем уж закружиться в водовороте контактов и впечатлений.

После утренней группы можно выбирать между разными жанрами: есть мастерские, есть пленарные сессии с докладами, есть дискуссионные группы по какой-нибудь «горячей» и неоднозначной теме, есть кинопоказы с последующим обсуждением несколькими экспертами, есть интересная форма междисциплинарной супервизии под грифом «Связывая наш опыт воедино».

В середине дня можно послушать лекцию (к сожалению, Вамик Волкан приехать не смог, хотя его выступление в программе стояло).

В этот раз все лекции были отчетливой социальной направленности — например, о проблемах семейной терапии в странах, где иммиграционные процессы полностью перемешали уклады жизни и помогать семьям трудно еще и по этой причине. Или о малых группах в Южноафриканской республике — их темой был «Апартеид внутри нас»

Ну, а после обеда снова нелегкий выбор между мастерской, докладом, знакомыми и проверенными ведущими и кем-то новым. В пять вечера — опять выбор, на этот раз между «средней» (median) группой, группаналитической или психодраматической, — или «большой».

А в семь темнеет, автобус ждет у входа — дальше можно приходить в себя или в номере с кондиционером, или у бассейна во влажной жаре (и то и другое под почти неслышные шаги секьюрити). Или плюнуть на автобус и сидеть с коллегами в какой-нибудь местной забегаловке с карибской едой, еле работающим вентилятором под потолком и немислимой красоты резной деревянной решеткой на веранде, а до отеля уж как-нибудь. После шести мероприятий в день хорошо поздним вечером написать на память пару комментариев и подумать над тем, «что это было».

Вот мои предварительные итоги.

- Групповая психотерапия и смежные практики переживают те же процессы, что и мир; даже самые клинически-ориентированные живут и работают в тех контекстах, с какими повезло (или нет). И дело здесь

даже не в экономическом кризисе или иммиграционных потоках — просто ничего и нигде уже не может жить своей отдельной жизнью, все связано со всем, «суверенных территорий» не осталось. Если врачи общей практики пациентов в группы не направляют, как это было раньше, то или групп больше нет, или в них направляет кто-то другой, или получает какая-нибудь консультация при университете, или терапевт получает грант от некоего фонда и едет вести группы в Гватемалу. На карте Ассоциации появились новые регионы, где уже есть обученные специалисты и потребность в них велика: ЮАР или та же Колумбия, Египет — и, само собой, Китай. В новом составе Совета директоров IAGP, в который довелось войти и мне, представлена эта «исправленная и дополненная» карта мира. Места, когда-то бывшие колыбелью профессиональной культуры, изменились до неузнаваемости, а ее хранители вынуждены отказаться от некоторых «имперских» стереотипов: похоже, что серьезную и живую работу сегодня можно увидеть скорее в Картагене или Марракеше, чем в Сан-Франциско.

• Поле групповых практик стало пестрее, чем пять-десять лет назад. Сочетания и заимствования, скрытые «цитаты» и явные отсылки к идеям или формам других подходов стали вполне обычным делом.

Психодрама и социодрама, как и психодинамические практики, «ветвятся». Новые названия порой не означают новых идей — это часто всего лишь результаты адаптации к внешней среде и хорошо оформленная новая «упаковка». К примеру, «татадрама» (tatadrama) была бы еще одной версией «психодрамы на столе» или сочетания психодрамы с арт-терапией, если бы Элизет Гарсиа не использовала именно бразильских традиционных тряпичных кукол, притом созданных в определенном месте и уже несущих символическую нагрузку. Плюс немного теории, где райхианское понимание энергии соединяется с концепцией переходного объекта, ну и про спонтанность/креативность не забыли. Легко догадаться, что даже при умеренном интересе со стороны внешнего мира эта сугубо бразильская практика может представляться и описываться как нечто глубоко оригинальное. Это крепкая, качественная эклектика, которая может украсить любую конференцию (да еще позволяет поддерживать народные промыслы, что во всех отношениях превосходно). Работает? Конечно. Красиво? Даже очень.

Кое-что действительно новое тоже появляется — но если это и впрямь подход со своими идеями, то на его становление нужно довольно много времени, так что по-настоящему интересные идеи не могут появляться каждые три года. В свое время так приживались «матрица социальных сновидений» (social dreaming matrix) и системно-центриро-

ванная групповая работа (system-centered training), ставшие уже почти обязательной частью программы.

- Даже элитарные групповые практики достойно адаптируются к непривычным контекстам, притом делают это без «заламывания рук», скорее уж — со здоровым любопытством. Казалось бы, группаналитическую терапию с ее камерной и порой утонченной вербальностью невозможно себе представить в стенах какого-нибудь «Центра социальной поддержки».

Молодые безработные в татуировках и пирсинге, «завязавшие» алкоголики, разведенные многодетные матери, депрессивные пенсионеры — помилуйте, как с ними работать столь сложным методом? А вот итальянские коллеги-группаналитики сделали несколько отличных докладов именно на материале таких групп, при этом «изюминка» проекта состояла как раз в том, что глубинные процессы в них сопоставимы с хорошо известными, нужно только их разглядеть. И, разумеется, часть каждого доклада была посвящена тому, как коллеги работали с собственными предрассудками, что происходило в их интервизорской группе, что поняли они в отношении контрпереноса.

Создается впечатление, что именно на фоне и в декорациях экономического кризиса профессиональная идентичность и язык коллегиального общения оказываются серьезной опорой, позволяющей не просто продолжать работать в трудных условиях, но еще и развивать метод.

Это напоминает нам об общеизвестном, но слегка подзабытом факте: «старые терапии», классическая психодрама и классический же группанализ, появились на свет в трудные и беспокойные времена. В их «генетическом коде» непосредственно задано умение учитывать социокультурный контекст и признавать различия, считаться с реальностью и искать решения, оставаясь при этом самими собой.

Я слушала интеллигентных, ироничных, очаровательных итальянских коллег и думала о том, что сохранение и развитие «цехового» языка и культуры на глазах превращается в отдельную задачу. Там, где она решается, выигрывают все: муниципальный «центр социальной поддержки», его нуждающиеся в помощи клиенты и профессиональное общество.

В этом смысле выбор страны, где проходил конгресс, — не слишком благополучной, измученной войнами и коррупцией, вынужденной приторговывать своей экзотикой ради экономического выживания — можно рассматривать как своего рода метафору: раз уж психотерапевтическая группа является маленькой моделью мира, то придется признать и то, что большая часть мира именно такова. Это вызов — похоже, он принят.

Зимой 2013 года в Москву приезжал доктор Йорг Бурмайстер, один из тренеров и учителей нашего психодраматического сообщества — на конгрессе в Картагене он завершил свой президентский срок в IAGP, стал немного свободнее, и мы наконец реализовали давний замысел, проект «Двадцать лет спустя». Его мастерская была посвящена работе с организациями и сообществами, а публичная лекция называлась «Состояние групповой психотерапии и групповых процессов в современном мире: актуальные проблемы и вызовы будущего». Если бы знать, если бы знать...

2. «PEOPLE'S STORIES» (Таллиннская конференция)

Мы похоронены где-то под Нарвой, под Нарвой, под Нарвой.
Мы похоронены где-то под Нарвой, мы были — и нет.
Так и лежим, как шагали: попарно, попарно, попарно.
Так и лежим, как шагали, попарно. И общий привет!
Александр Галич, 1962. «Ошибка»

«Дни Морено» проходят в странах Балтии раз в два года. Прошлой осенью настал черед Таллина — и уж тут важно было вовремя списаться и вписаться. «People's stories» звучит куда складнее, чем «Истории, которые рассказывают народы», но тема давно и прочно мною любима, хотелось поработать с этим материалом на международной конференции.

Организаторы составили программу так, что события — а, стало быть, и истории — связанные с первой половиной XX века, должны были конференцию начинать, а все то, что «после Стены» (Берлинской, разумеется), должно было постепенно приближать к новому времени и составить последнюю треть программы. И хотя в своей обычной работе я часто занимаюсь не только прошлым веком, а и более отдаленным временем, в этом раскладе было очевидно, что тему мастерской нужно заявлять именно по поводу жизни «после Стены». Если трансгенерационной тематике, связанной с катастрофами и испытаниями далекого прошлого, какое-то внимание уделялось и в работах семейных терапевтов, и в трансгенерационном подходе А.А. Шутценбергер, и, наконец, просто в культуре, то рефлексия и какое-никакое «проговаривание» опыта последних 20 лет такого внимания не получили: просто было еще рано.

Кроме того, ровно 20 лет назад, в августе 1992 года, я впервые в жизни провела мастерскую на представительном международном конгрессе в Монреале; от того августа до этого произошло всего немало — и почему бы было не отметить эту скромную частную годовщину...

И еще было понятно, что мастерские, затрагивающие глубокие разломы, противостояние, войну и борьбу (за независимость, например) — будут непременно. Какие же еще истории расскажут народы, собравшиеся на «балтийские дни Морено» — само собой, именно эти. И показалось интересным предложить и провести что-то такое, что позволило бы по-новому увидеть наши разные судьбы и провести водораздел не географический или национальный, а иной. Между нами тогдашними — финнами ли, эстонцами, русскими или венграми — и нами же, но теперешними. Между ощущением вдруг изменившегося, искушающего и тревожащего своей новизной, поменявшего все флаги и вехи мира — и знанием о том, что из всего этого получилось.

Хотелось сделать что-то трезвое, рефлексивное и позволяющее увидеть свои страхи, надежды, амбиции и планы двадцатилетней давности; с чем-то проститься, над чем-то посмеяться, что-то оплакать, — а в общем и целом понять и принять.

Учитывая, что мастерская стояла последней в «линейке», как и то, что я была единственной гостьей с «далекого Востока», ее надо было *готовить* во всех смыслах слова. А для этого следовало участвовать в других мастерских, притом активно, — и придерживаться профессионального понимающего взгляда на все, с чем суждено было там встретиться. Необходимо было прекратить вздрагивать от словосочетания «советская оккупация», равно как и научиться без недоумения смотреть на рыдающих перепуганных греков, боящихся гражданской войны: у каждого своя правда, и в этом случае стоило терпеливо ждать, пока о моей правде спросят. Некоторым образом, я не «тусоваться» приехала, а попытаться понять. Возможно, в глубине души хотелось показать класс профессиональной работы, а в нашем деле это означает — и профессиональной позиции. *Хорошо обученное вспомогательное лицо* настраивается на потребности протагониста, помогает директору, использует свою спонтанность для пользы дела — то есть для нужд процесса и для терапевтического результата.

Так нас учили в свое время — и в очередной раз довелось убедиться, что учили хорошо. Кстати, в таллинской конференции участвовали и некоторые наши гости и учителя — мы пообщались и с Маршей Карп, и с Юдит Тезари, и с Якобом Наором.

В общем, уже после разогрева, в котором речь сразу пошла о Карельском перешейке и о «том русском», стало понятно, что на эту конференцию меня занесло не иначе как для выполнения интернационального долга: это ничего, что некоторое время пришлось выдерживать сто пудов проекций — так сказать, «ответить за отца». Но настал и момент,

когда кто-то тихо, почти застенчиво спросил: как это — родиться в Сибири? для нас это слово как проклятье, но ведь у тебя по-другому, что оно значит для тебя? Должна заметить, что положение «ничьей бабушки» имело немало плюсов: в частности, удалось поработать вспомогательным лицом в нескольких работах первоклассных директоров. На какие только роли меня не выбирали, каких только загадочных предков, «человеков с ружьем» и «скелетов в шкафах» я не переиграла!

Об одном жалею: на мастерской Юдит Тезари не хватило времени для драмы прекрасной Кюликке, чья прабабушка была целительницей или, возможно, не только...

Вряд ли в ближайшие сто лет представится еще возможность заглянуть в историю эстонского женского ведовства, этот шанс был уникальным.

Два дня pre-conference немало способствовали взаимопониманию, после них некоторые коллеги даже заговаривали со мной по-русски, вот ведь неожиданность какая. Разумеется, первой я этого не делала никогда: после Вас. Мне показалось, что тема борьбы и противостояния в Эстонии стремительно себя изживает, но привычка искать противника по-прежнему действует, а обходиться без этого противника довольно трудно. Защищать свою идентичность привычно, развивать ее в мирное время и в нынешних непростых европейских обстоятельствах куда как труднее. И если рассмотреть опыт последних 20 лет, то этому как раз можно было всем вместе немного поучиться, тем более что кроме английского (официального языка конференции) у всех нас было как минимум одно общее «достояние», **не** разъединяющее, а наоборот: психодрама. Как таковая.

И мы создали на мастерской фантастический «пейзаж» лета 1992 года. Там были явления, события и люди, запомнившиеся нашей разноплеменной и разновозрастной группе (и не до конца кому-то понятные): первая в жизни жестянка кока-колы, новенькая эстонская корона, потирающий руки в предвкушении доходов шведский банкир, мелодия гимна летней Олимпиады в Барселоне, финские газеты, опасливо обсуждающие последствия распада СССР, европейские гранты на получение образования, впервые в жизни открытый собственный учебный центр...

Ах, как все это клубилось, искрилось, как было полно тревоги и надежды!

Разумеется, потом мы сняли роли и переместились в настоящее, повзрослев на 20 лет — и была возможность сказать пару слов тому себе, кто тогда переживал «время перемен», еще не зная, что из всего этого получится. Но казалось, что из этой большой «пейзажной» сце-

ны можно извлечь еще что-то, вполне отвечающее теме конференции, и я предложила образовать «интернациональные» пятерки для шеринга. Обычного, но с единственной оговоркой: если упоминается что-то незнакомое, непонятное — спрашивайте, ведь мы не до конца понимаем обстоятельства друг друга. И тут энергия группы опять взлетела до небес — ну и галдели же они, «народы», рассказывающие друг другу свои истории...

Мне же оставалось только следить за временем да ловить обрывки фраз, подтверждающих то, что и так было видно невооруженным глазом: этого они еще никогда не рассказывали, своим — незачем, а чужие не интересовались. И вот такая возможность представилась, и оказалось, что в этой теме есть столько чувств и воспоминаний, которые хотят быть высказанными и небезразличны слушателям! Собственно, после этого можно заглянуть и в туманное будущее с его новыми тревогами...

А в финале, конечно, имело смысл призвать на помощь могучие ресурсные фигуры — те явления и объекты, которые гораздо старше и больше нашей короткой жизни. И у нас появились персонажи, рядом с которыми масштаб сегодняшних треволнений перестает казаться чем-то исключительным: Акрополь, Мачу-Пикчу, Балтийское море, Олимпийский стадион (тот, настоящий)...

Все они сказали прекрасные и простые слова о любви, терпении, мире и вечности. Последним говорил «Череп, лежащий на берегу Балтийского моря пятьсот лет»: «И сегодня, как и всегда, вопрос только один: быть или не быть?»

На память приходит финал «Белой гвардии» Булгакова:

«Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла — слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч.

Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»

Но этот автор не был знаком моей аудитории, и мы закончили общеизвестным В. Шекспиром — таким же нейтральным и бесспорным, как наш — довольно приличный, хотя и вынужденный — английский язык.

Следующие «Балтийские дни Морено» — в Латвии в 2014 году. Что произойдет за это время с Европой и с нами, какие печали и тревоги будут занимать умы и сердца, — неизвестно. Но если пригласят — поеду непременно. А до того буду рада видеть эстонских коллег на Московской психодраматической конференции.

Для справки: по легенде, песня «Ошибка» написана А.А. Галичем по прочтении газетного материала о том, как гостивший у тогдашних «первых лиц» Фидель Кастро участвовал в образцово-показательной охоте для начальников — и как раз в тех местах, где захлебнулось зимой 1943 года неудачное контрнаступление.

А я-то все думала, как связаны Латинская Америка и печальные болотистые равнины...и «Пицунда, похожая на Макондо»... и уже не совсем понятная нынешним молодым шуточка «Проспект Маркеса» — так именовали станцию московского метро, ныне именующуюся «Охотный ряд»...Да вот так и связаны:

«Где полегла в сорок третьем пехота, пехота, пехота/ Где полегла в сорок третьем пехота/ Без толку, зазря,/ Там по пороше гуляет охота, охота, охота/, Там по пороше гуляет охота, трубят — егеря».

Хорошо, что народы рассказывают свои истории. Наверное, иногда это лучшее и едва ли не единственное, что может хоть как-то помочь совладать с последствиями, переработать утраты, извлечь опыт. Будем ждать следующих историй и следующих конференций: как оказалось, многое в мире действительно отражается в зеркале групповой работы.

CARTAGENA AND TALLINN: THE WORLDS AND THE CULTURE IN THE MIRROR OF GROUP PSYCHOTHERAPY

E.L. MIKHAILOVA

In this paper the developmental tendencies of group psychotherapy and group processes are considered as subsystems of broader contexts of social and cultural transformations. The new formats and new ideas in the field of groupwork are viewed through experiential exploration. The examples are focused on transcultural issues and collective trauma.

Keywords: Group psychotherapy and group processes, social and cultural transformation, psychodrama, collective trauma.